

VIII Бағызбаева оқулары
**«ЖАЛПЫ ҒЫЛЫМИ ПАРАДИГМА
АЯСЫНДАҒЫ ЗАМАНАУИ
ФИЛОЛОГИЯНЫҢ
ӨЗЕКТІ МӘСЕЛЕЛЕРІ»**

**Халықаралық ғылыми-тәжірибелік
конференция материалдары**

Алматы, 28 сәуір 2016 жыл

VIII Бағизбаевские чтения
**«АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ
В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕЙ НАУЧНОЙ
ПАРАДИГМЫ»**

**Материалы международной
научно-практической конференции**

Алматы, 28 апреля 2016 года

свободолюбия, желанием расковать человеческую волю, ум, чувства, желанием найти устойчивые ценности в противовес изжившей себя христианской мудрости и рационалистически-просветительской морали.

Литература:

1. *Куприн А.И.* Избранные. – Москва, 1987.
2. *Крутикова Л.В.* А.И. Куприн. - Ленинград: Просвещение, 1971, - 117с.
3. *Волков А.* Творчество А.И. Куприна. – Москва: Советский писатель, 1962.
4. *Афанасьев В.* А.И. Куприн. – Москва: Гослитиздат, 1960.
5. *Бочаров А.* Литература и время. – Москва: Художественная литература, 1988.

Научно-методические аспекты изучения мотива и сюжета в трилогии Д.Ф. Снегина «в городе верном»

Какишева Н.Т.

КазНУ им. аль-Фараби, г. Алматы, Казахстан.

В современном литературоведении мы нередко встречаем различные трактовки таких, казалось бы устоявшихся понятий как: мотив, архетип, образ, сюжет. Эти понятия переплетаются взаимодополняя друг друга, но тем не менее, они имеют существенные различия.

Обратимся к определению мотива. Мотив - это компонент произведений, обладающий повышенной значимостью, который активно причастен к теме и идее произведения, но им не тождествен. Он может выступать либо аспект отдельных произведений и их циклов, либо как достояние всего творчества писателя.

Лучше всего изучать мотив и сюжет на примере конкретного произведения. В преддверии 1000-летия города Алматы мы решили вспомнить историческое прошлое города Верного, достойных представителей интеллигенции революционных лет, а именно художественное исследование исторических событий, описанных в романе Дмитрия Федоровича Снегина «В городе Верном».

В конце 50-ых годов Дмитрий Снегин приступил к работе над романом «В городе Верном», которая первоначально состояла из

трех книг: «На краю света» (1959 г.), «Мы из Семиречья» (1970 г.) и «Через наши сердца» (1979 г.). В беседе с Вл.Владимировым писатель раскрыл причину написания этой эпопеи: «Однажды у нас умер сосед. Обычный такой дедушка. Закадычный друг моего отца. Знал хорошо всех революционеров... Павла Виноградова. Знаком был с Токашем Бокиным. Тогда это воспринималось как самое обычное... Скромный. Заботливый... нет, не большевик. Будто бы к левым эсерам примыкал... <...> И вот на поминках выяснилось, что за этим старичком, за Павлом Виноградовым, за Токашем Бокиным, за другими людьми водились дела поистине былинные... <...> И вот тогда-то и у меня душа так заболела при мысли, что грянет час – уйдем мы совсем из жизни насовсем, а ведь никто и после нас не постарается, чтобы по-человечески трепетно, а не протокольно зафиксировать все то, чем были живы поколения наших отцов и дедов...<...> И не где-нибудь, а именно здесь, на моей родной земле Семиречья! Вот в чем дело. А вовсе не в том, чтобы настрогать вариант семиреченского «Тихого Дона». Или наворотить семиреченский тип «Разгрома»...» [1, 211]. В этой пространной цитате - ответ критикам того времени типа Ю. Плашевского, Когана и другим, которые утверждали, что Д.Ф.Снегин при написании своей эпопеи следовал традициям вышеназванных писателей.

Снегин отчетливо понимал сложность осуществления задуманного. Избранный им жанр позволял художественно осмыслить историческое прошлое города Верного, события революционных лет. В советской литературе того времени романы такого типа были посвящены революции и гражданской войне, двадцатым годам, коллективизации и по своей жанровой форме являлись историко-революционными. Пожалуй, самым большим их недостатком было то, что проблемно-тематический диапазон и хронотоп этих произведений оставались узкими, затрагивали лишь социальные конфликты революционного времени, периода подготовки и свершения революции. Но, с другой стороны, писатели стремились показать не только деятельность масс, силу революционных идей, преобразующих общество в духе социализма, но и исторически достоверно воспроизвести процесс становления новой личности, раскрыть нравственный смысл их идеалов, доказать, что единственная цель и высокое назначение человека - в служении благу людей, осознать необходимость и закономерность появления во все времена героев, смысл жизни

которых определен не корыстолюбивыми интересами, а служением людям, альтруизмом.

Д.Снегин осуществил колоссально большую и трудную работу по собиранию и изучению материалов описываемой эпохи. Принятая писателем установка на фактографическую достоверность (будь это описание улиц старого Верного или портрета эпизодического героя), известные ему способы творческой обработки документа помогли писателю воссоздать с помощью авторского воображения исторические сцены, события.

Сюжет во всех трех книгах строится на соединении и взаимопроникновении подлинного, получившего закрепление в документальных источниках, и того, что, сохраняя видимость реального, является вымыслом писателя или творческой интерпретацией документальной подоплеки событий. Такое слияние столь органично, что только хорошее знание реальных фактов позволяет разграничить эти способы изображения. Вымышленные персонажи и реальные исторические лица не только являются героями повествования, но и вступают в контакты друг с другом согласно замыслу автора. Как и князь А.Болконский и Кутузов в «Войне и мире» Л.Толстого, Петр Первый и семья Бровкиных в романе А.Толстого «Петр Первый», Григорий Мелехов и Подтелков, Кудинов, Ермаков в «Тихом Доне» М.Шолохова, вымышленные герои Д.Ф.Снегина тамыры Асылбек Оралбаев и Иван Киянкин, учительница Александра Лидина, прообразами которой послужили две известные верненские революционерки А. Кочаровская и Л.Александрова, Айгуль, жена Естая, алаш-ордынец Сарымолда Кокенов, прототип которого тайный агент сысского отделения по кличке Кара Абдильда Какенов вместе с историческими персонажами Павлом Виноградовым, Токашем Бокиным, Яковом Шидло и многими другими участвуют в подлинных исторических событиях. Неслучайно после выхода «В городе Верном» читатели спорили о прототипах героев и в вымышленном персонаже Естает Асылбекове видели конкретную историческую личность. На читательской конференции один старый ветеран «уверял, что лично был знаком с Асылбековым и что Асылбеков потом, в Тридцать седьмом году, пал жертвой культа личности Сталина...» [1, 266]. Сам писатель полемически утверждал: «...Но уж коль о вымышленных персонажах, то их у меня просто нет. Повторяю: быть может за самым малым исключением...» [1, 266].

Иллюзию художественной достоверности создает и многообразие вариантов соотношения художественных приемов письма и документального текста. Авторское описание продолжается цитатой документального источника или, наоборот, выдержка из документа предваряет авторское пояснение, цитата имеет художественное обрамление. Документ в отдельных местах свободно пересказывается, что придает произведению непосредственность живого повествования о событиях и героях.

Несмотря на идеологическую заданность, продиктованную законами жанра историко-революционного романа, Д.Ф.Снегин строит повествование по всем канонам классического реалистического романа. В трилогии основное внимание уделяется формированию личности нового типа, поэтому наряду с проблемой судьбы народа и страны остро ставится вопрос и о судьбе человеческой, индивидуальной, то есть соотношение между историческими событиями и жизнью отдельного человека сохраняется в привычной, традиционной пропорции, и это позволило писателю в достаточной мере использовать приемы «семейного романа». С другой стороны, в романах рассказывается о реальных, исторических событиях, происходивших в Верном и его окрестностях в 1913-1921-ых годах, поэтому писатель вводит в сюжет большое количество событий (более 200 действующих лиц), что придает повествованию эпическую широту и монументальность. Эпическое начало сказалось также в тяготении писателя к обстоятельному описанию события, а не анализу сущности происходящего. Черты хроникальности проявились в повышенном внимании автора к событийной стороне повествования. Романист избирает внешне сдержанную, эмоционально скупую манеру повествования, использует почти подтекстный психологизм, при котором основным становится принцип самораскрытия героя, уделяет преимущественное внимание художественной детали, которая выполняет культурологические функции, в наглядном виде представляет историческое время и национальный колорит.

Д.Снегин наряду с выше обозначенными задачами, стоявшими перед ним в процессе работы над трилогией, большое внимание уделял проблеме создания художественной биографии Павла Виноградова. По признанию самого писателя, он воспринимал своих персонажей «только как реальных. <...> За малым исключением <...> все-все персонажи – люди от самой

действительности. Они заряжены ее энергетикой. С ними я жил и живу в одном краю. В Семиречье. А именно тут большая энергетика от каждого. <...> Естественно, я не мог хорошо знать Павла Виноградова, главного героя «Верного». Его не стало в Тридцать втором году. Но я видел и слышал Виноградова. Мне тогда было под двадцать. Я знаком с его семьей» [1, 264]. Из этих «знаний» и «знакомств» родился в меру романтизированный герой с «обыкновенной биографией в необыкновенное время», человек с драматической судьбой, сыгравший исключительно важную роль в свершении революционных преобразований в одной из национальных окраин огромной Российской империи. В таком контексте значимо заглавие первой книги трилогии - «На краю света». Для Павла Виноградова, коренного псковича, рабочего Путиловского завода в Петербурге, повторная ссылка на юг, в «азиатские степи» ассоциируется с «краем света»: Как жить в этих уму непостижимых пустынных и глухих краях?». Первая фраза повествования вводит нас в гущу событий 1913-го года: «Дождливой ночью Павел Виноградов бежал из ссылки» [2, 33], к тому же она сопровождается авторским внетекстовым комментарием, где сообщаются биографические сведения: «Павел Михайлович Виноградов (1889-1932) – один из героев романа, активный борец за Советскую власть в Семиречье. Родился в селе Грядино Псковской губернии. Сын бедного крестьянина, был подпаском, погоняльщиком лошадей на кирпичном заводе. После окончания учительской школы работал сельским учителем, затем учился в педагогическом институте в Петербурге. В 1911 году работал на Путиловском заводе, где вступил в подпольную большевистскую организацию. За революционную работу был сослан в Томскую губернию. В 1913 году бежал из ссылки. Был пойман, препровожден на поселение в город Верный» [2, 535-536]. Такими протоколно конкретными, достоверными ссылками писатель наделяет почти каждого исторического персонажа по мере их появления в сюжете. Мотив «край света» разрастается, обретает новые подробности, в повествовании появляется мотив «неизвестного места» как конечный пункт этапирования ссыльного: Каракум-пески, Нарын-край, Семипалатный. Герой еще не знает, что «секретным предписанием их Петербурга, полученным здесь заблаговременно, его, как политически опасного для империи

преступника, предлагалось пешим порядком препроводить на поселение в город Верный под надзор полиции» [2, 33], то есть Верный обозначен как конец пути. Дмитрий Снегин здесь обыгрывает семантику слова и придает ему социальный статус. Герой воспринимает это и как «конец и той мечте, которой герой сознательно собирался посвятить свою жизнь».

Мотив встречи с Верным становится ведущим дальнейшего повествования. Восприятие Виноградовым увиденного романтично: «На двадцать седьмые сутки пути Виноградов увидел такое, что сразу не поверил своим глазам. Впереди – на юге – возвышались, обнимая полнеба, горы с резко очерченными снеговыми вершинами и едва различимые у подножия. Горы напоминали гигантскую причудливую волну. Как будто давным-давно, когда на месте степей плескался безбрежный океан, могучий вал откуда-то с севера покатился на юг и, набрав неудержимую стремительность на сибирских равнинах, вдруг ударился о край неба, яростно вздыбился да так и застыл, окаменел, обратился в этот могучий, сказочно красивый горный хребет» [2, 39]. Симтоматично появление мотива о том, что герой чувствует себя вернувшимся «в родимый дом после долгого и трудного странствия» (2, 40). Основную роль в изображении деятельности молодого революционера в захолустном городе играют бытовые детали, повтор которых подчеркивает их символическую сущность. Ссылный Виноградов, освободившись от надоевших конвоиров и ротмистра Астраханцева, совершает «обряд переодевания», освобождения от старой одежды, появляется перед верненцами в учительском костюме. Город поражает пестротой быта, многоголосием и разноязычием. Подробности деталей подчеркивают убогость быта окружающих героя простых верненцев, их тусклую обыденность, своеобразную «футлярность» их существования. Достоверно воссоздана общая атмосфера города «на краю света»: отсутствие некоего духовного, объединяющего людей начала порождает порой дикие нравы горожан, люди теряют живые чувства. Их пристрастие к нелепым слухам, диким забавам, косность и невежество свидетельствуют об общей нелепице жизни. И в этой органично враждебной герою среде зарождаются новое сознание, новые отношения между людьми, герой Дмитрия Снегина выполняет возложенную на него миссию: «...ссылка для большевика –

продолжение революционной борьбы в новых условиях. И он будет работать не покладая рук здесь...<...> будет бороться за свободу и счастье обездоленных степняков...» [2, 38]. Снегин использует приемы линейной, коммулятивной композиции: Виноградов знакомится с кем-либо из горожан, и это дает писателю повод начать новое повествование об этом герое (см. истории дурачка Яшки, рассказ о семье Киянкиных, об Андрее Воронцове и т.п.). Мотив идейного и политического противостояния реализуется в эпизодах столкновения Павла Виноградова и жандармского ротмистра Астраханцева, неординарного человека, которого некоторые исследователи, в частности Вл.Владимиров, называют верненским Самгиным. Он умен, начитан, прозорлив, искусен в ведении светских бесед, в глубине души даже уважает своего оппонента, но по долгу службы и в соответствии со своими убеждениями должен препятствовать революционной деятельности молодого питерца и его единомышленников. Этот сюжет доведен писателем до логического конца.

Одним из определяющих движение сюжета становится мотив преодоления Виноградовым и его единомышленниками трудностей психологического и прежде всего социального характера на пути осуществления поставленных перед ними партией задач. Лейтмотивом через все повествование проходит интернациональная тема – тема дружбы казахов и русских, реализующаяся во множестве частных сюжетных линий. Особо значима сюжетная линия о трагически яркой и короткой жизни и революционной деятельности Токаша Бокина. Д.Ф. Снегин достоверно и реалистически воссоздал характер инонационального героя той эпохи, показал путь казахского интеллигента к революции. По сравнению с другими героями облик Виноградова воссоздан писателем наиболее полно и подробно. Но автор, исходя из требований жанра исторического романа, расширяет рамки повествования, все же стремится дать максимум сведений о действующих лицах, даже эпизодических. В отдельных сюжетных эпизодах показана деятельность Якова Шидло и Луки Емелева, командира Первого Семиреченского красногвардейского полка, члена Военно-революционного комитета, Степана Малетина, Александра Березовского, Рудольфа Маречека, с одной стороны, и их противников, считавших себя до поры до времени хозяевами жизни, купца Пугасова,

петербургского камер-юнкера, выполнявшего в Верном особое задание Цингера-старшего и его сына, офицера Христиана, комиссара Временного правительства, эсера Шкапского, «степного принца», алашордынца Кокенова и мн.др.

Как видим, Д.Ф.Снегин представил читателю художественное исследование исторических событий, происходивших в городе Верном и его окрестностях в предреволюционные и революционные годы, но преломленных через сознание автора и переработанных в его творческой лаборатории. Многогранности и полноты в изображении он добился тем, что ставил своих героев, реальных и вымышленных, в центр исторических событий, когда идет проверка на право называться человеком, когда в ходе столкновений и борьбы обнажается суть каждого из них. Писатель историчен в том смысле, что он, будучи сам непосредственным (хоть и молодым) свидетелем той эпохи и людей, достоверно передает исторические события, факты, детали, дух времени.

Литература:

1. *Владимиров В.* Дмитрий Снегин. Его любовь, Память и Слово. – Алматы: ТОО «Издательский дом «Казахстан», 2003. – 288 с.
2. *Снегин Д.* В городе Верном: роман в двух книгах. Трех частях // Дмитрий Снегин. Собрание сочинений в пяти томах. – Т.1. – Алма-Ата: Жазушы, 1981. – 544 с.

Визуальная антропология в прозе на примере новеллы В.Я. Брюсова «Бемоль»

Скоснягина И.С.

КазНПУ им. Абая, Алматы, Казахстан
irina_s_007@mail.ru

Если время оформления визуальной антропологии в самостоятельное культурное направление определить довольно трудно, то знакомство отечественных кинематографистов с этим явлением имеет вполне определенную дату. 26 мая 1987 г. в Союзе кинематографистов при большом стечении народа Вячеслав Всеволодович Иванов и Лэнарт Мери рассказали о популярном на Западе виде документальной съемки и объявили об открытии летом того же года первого на территории СССР фестиваля визуальной антропологии в г. Пярну в Эстонии [1].

Зуева Н.Ю. К вопросу преподавания сочетаемости слов русского языка в группах с казахским языком обучения 241

II. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА: ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА И ИННОВАЦИИ

<i>Джолдасбекова Б.У., Баянбаева Ж.А.</i> Изучение творчества писателей-сибиряков в рамках программы подготовки филологов	245
<i>Жаксылыков А.Ж.</i> Методические аспекты изучения поэзии жырау и проблемы перевода концептов и экспресsem	253
<i>Сарсекеева Н.К.</i> Художественная концепция творческой личности в литературе Казахстана	262
<i>Салханова Ж.Х.</i> Анализ и интерпретация художественного текста	270
<i>Григорьева Т.М.</i> Из наблюдений над поэтической ономастикой И.Ф. Анненского	275
<i>Мейрамғалиева Р.М.</i> Научно-методические основы изучения проблемы человеческого достоинства в произведениях Л. Андреева и А. Куприна	280
<i>Какишева Н.Т.</i> Научно-методические аспекты изучения мотива и сюжета в трилогии Д.Ф. Снегина «В городе верном»	287
<i>Скоснягина И.С.</i> Визуальная антропология в прозе на примере новеллы В.Я. Брюсова «Бемоль»	294
<i>Doç. Dr. Beyhan Asma Anton</i> Çehov ve çocuk'a bakışı	301
<i>Абишева С.Д., Поляк З.Н.</i> Изучение творчества Надежды Черновой в школе и вузе	306
<i>Какильбаева Э.Т.</i> Гипертекстовые технологии исследования лирики Олжаса Сулейменова	312
<i>Ломова Е.А.</i> "Family issue" in the reception russian-anglo-american slavic studies	318
<i>Sarsekeeva N.K., Iskakova A.T.</i> The problem of borrowing and interpretation mythological images in fiction literature	323
<i>Хайрушева Е.Е.</i> «Чувство дороги» в поэзии Б. Канапьянова	332
<i>Утепова Р.И.</i> An innovative view of the conflict in the literature	337
<i>Тлеубай Г.К., Джолдасбекова Б.У.</i> Один из методов анализа художественного произведения	342
<i>Әзизова А.О., Джолдасбекова Б.У.</i> К вопросу о национальных образах в русской прозе Казахстана	350
<i>Сейтказы Э.А.</i> Изучение параллели национального мышления в произведениях жырау и О. Бокеева	355
<i>Сейтказы Э.А.</i> О. Бөкей шығармаларындағы әлемнің ұлттық бейнесінің көрінісі жөніндегі теориялық мәселелерді оқыту	361
<i>Ибраева Д.С.</i> Образ дома в романе Г.К. Бельгера "Дом скитальца"	367
<i>Афанасьева А.С., Сарсекеева Н.К.</i> Архетип «дом» как регулятивный	373